ПОКА МОЖНО ВЕРНУТЬСЯ

МИРОН СЕВЕРИН

Мирон Северин
Пока можно вернуться

https://litres.ru/74704339
SelfPub; 2026

Аннотация

Война закончилась, и Ирина возвращается с сыном в Береговой. Дом уцелел, но в кранах нет воды, а город всё ещё живёт по решениям, принятым во время эвакуации. Одно из них подписал её покойный брат: Северный квартал отключили от сети «временно» — и так и не подключили снова.

Ирина приходит работать на водопроводную станцию. Резервного источника не хватает на всех; старые трубы требуют проверки, а жители ждут даты, которую никто не может честно назвать. Чтобы город снова стал домом, ей придётся разобраться в решении брата, признать собственные ошибки и открыто сказать людям, что известно, а что ещё нет.

Реалистическая повесть о возвращении, воде и доверии, которое восстанавливается медленнее любой трубы.

Содержание

1. Возвращение 4
2. Два часа 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Мирон Северин
Пока можно вернуться

1. Возвращение

На въезде в Береговой автобус остановился перед шлагбаумом. Водитель заглушил мотор, и в салоне сразу стало слышно, как кто-то пересчитывает монеты в кармане. За стеклом женщина в сером жилете сверяла фамилии с бумажным списком. Каждого спрашивала, куда он едет и есть ли у него ключ.

— Ключ есть, — сказала Ирина, когда дошла её очередь.

— Адрес?

— Вишнёвая, девять.

— Раньше жили там?

— Девять лет.

Женщина подняла глаза. Ирина не поняла, спрашивала ли та о праве на дом или о том, помнит ли она дорогу. Из-за спины кто-то попросил не задерживать автобус. Женщина провела пальцем по списку и отметила фамилию.

— Подход с улицы, дом и двор обследованы. Подвал закрыт, не спускайтесь туда до отдельной проверки. За отмеченные проходы тоже не выходите. Вода только привозная. Электричество по вечерам, если линия выдержит. Подпиши-

те, что предупреждены.

Лев, стоявший за матерью, прочёл бумагу поверх её плеча. Он умел читать быстро и с недоверием.

— А школа? — спросил он.

— Школа в столовой, — ответила женщина. — Найдёшь.

Ирина расписалась и получила маленькую памятку: пункты воды, временные туалеты, медпункт, улицы, куда пока нельзя заходить. Ей показалось странным, что возвращение домой помещается в одной строке журнала, а повседневная жизнь — в четырёх адресах на обороте. В прошлом она знала эту дорогу с закрытыми глазами: за поворотом был киоск с газетами, дальше — остановка с кривой крышей. Киоска не было. Крыша лежала за остановкой, аккуратно прислонённая к забору, будто её собирались поставить обратно после обеда.

До дома они дошли пешком по обозначенной стороне улицы. У нескольких переулков стояли ленты и таблички: туда ещё не допускали жителей. Лев нёс рюкзак и маленькую коробку с чашкой. Чашку он настоял взять из временной квартиры: синюю, со сколом у ручки. «Чтобы было из чего пить», — сказал он. Ирина не стала объяснять, что посуды в их доме должно хватить. Она уже не была уверена ни в одном «должно».

На воротах висела записка: «Соседи, кто вернулся, отметьтесь у Нины». Почерк был чужой. В саду за домом осталась яблоня, в этом году без единого плода. Дверь открылась

с третьей попытки. Внутри пахло сухой штукатуркой и затхлой тканью. На кухонном столе стояла перевёрнутая кастрюля, под ней — записка брата.

«Ир, если прочтёшь, не пугайся беспорядка. Я заходил. Павел».

Пока Ирина читала записку, Лев вернулся к дверному косяку. На дереве оставались карандашные черты с его ростом — последняя, почти стёртая, на уровне его плеча. Он приложился спиной к стене, как раньше, и посмотрел на мать.

— Здесь надо новую.

Ирина нашла карандаш в ящике комода. Он не писал; пришлось срезать размокшее дерево маленьким ножом. Она отметила рост сына и поставила дату. Между прежней чертой и новой помещались три года, в которые он учился ездить на велосипеде в чужом дворе, менял школы и перестал называть Береговой домом. Когда они ехали сюда, Лев говорил «твой город».

— Криво, — сказал он, рассматривая отметку.

— Переделаем, когда отдохнём.

— Не надо. Пусть видно будет.

Дата стояла двухлетней давности. Ирина держала бумагу так, словно могла согреть её ладонями. Павел умер в апреле. О его смерти ей сообщили через месяц, когда появилась связь. До сих пор это было сообщение на экране. Теперь — кастрюля и несколько слов карандашом.

— Это дядя Паша? — спросил Лев.

— Да.

Он не стал спрашивать, почему мать плачет. Достал из коробки чашку и поставил рядом с запиской.

Вечером они пошли за водой. Пункт выдачи находился у бывшего кинотеатра. Люди приходили с канистрами, бутылками, складными тележками. Очередь изгибалась вокруг афишной тумбы, где ещё сохранилась половина объявления о летнем празднике трёхлетней давности. Женщина впереди пожаловалась, что сегодня машину задержали. Мужчина позади сказал, что машина просто поехала сначала к новым домам.

— Неправда, — ответила женщина. — Там воду дают из скважины.

— Тогда почему нам не дают?

Никто не ответил. Ирина смотрела на пустой пластиковый бак у своих ног. Когда-то она могла назвать давление в сети на этой улице и сказать, почему вода перестала идти. Сейчас не могла даже сказать, приедет ли машина.

— Ирина Молчанова?

К ней подошёл мужчина в рабочей куртке. Сначала она узнала голос, потом лицо. Антон Берестов постарел не лицом, а тем, как стоял: чуть наклонившись к любому человеку, словно ждал жалобы ещё до приветствия.

— Ты вернулась, — сказал он.

— Похоже на то.

Антон посмотрел на Льва и на их бак.

— Завтра приходи на станцию. Нам нужен человек, который умеет читать старые схемы. Платить пока нечем, кроме пайка и обещаний.

— Обещаний у меня достаточно.

— Тогда приходи за пайком, — сказал он и отступил, пропуская тележку.

Машина пришла через сорок минут. Воду отпускали в чистую тару с крышками; на боку цистерны стояла дата наполнения. Ирина получила свою долю, донесла тяжёлую канистру до дома и, прежде чем закрыть дверь, оглянулась на улицу. В трёх окнах горел свет. В одном кто-то поправлял занавеску. Дом напротив ещё не был пустым городом и уже не был прежним. Она не знала, какой из этих двух городов сможет назвать своим.

2. Два часа

На станции висела карта Берегового, собранная из четырёх листов. Цветными карандашами были отмечены обследованные улицы, закрытые участки и временные пункты выдачи воды. На Северном квартале стоял широкий серый крест. Его нарисовали так уверенно, что он казался частью старой печати.

Антон встретил Ирину у входа. Показал ей комнату, где раньше работали диспетчеры. Один стол, два стула, шкаф без дверцы. На подоконнике лежали журналы, перевязанные шнуром.

— Хорошая новость: резервная скважина работает, — сказал он. — Плохая: она даёт меньше трети прежней потребности. Насосы и очистка зависят от генератора; топлива хватает на несколько часов работы в сутки. И сеть после войны никто целиком не проверил. Питьевую воду пока везут из соседнего района. Воду местной станции нельзя подавать в дома, пока лаборатория и служба не проверят участки.

— Кто считает потребность?

— Мы. В списках шестьсот двадцать жителей. Даже по самому скромному аварийному расчёту это больше девяти тысяч литров в день на питьё, приготовление пищи и гигиену. Две машины привозят примерно двенадцать тысяч, когда обе выходят в рейс. Из этого же запаса берут школа и

медпункт. А ещё есть утечки, люди вне списка и дни, когда не хватает топлива.

Антон показал журнал выдачи горючего. Вчера второй водитель ждал его до полудня; поэтому машина к кинотеатру пришла поздно. Ирина вспомнила, как в очереди объясняли задержку чьим-то предпочтением южных домов. Иногда причина была проще и от этого не легче: пустая строка в чужом журнале.

Ирина открыла журнал. Последняя аккуратная запись была сделана Павлом. Ниже карандашом кто-то добавил: «Расход снова выше расчётного». Ирина провела пальцем по краю страницы, не касаясь почерка.

В комнату вошёл Николай Тихонов, руководитель временной администрации. Раньше он управлял городским архивом, а во время эвакуации сводил списки уехавших и оставшихся. Ирина помнила его по ежегодным совещаниям о сохранности документов. Он держал свежие листовки.

— К понедельнику нужно объявить график, — сказал он. — Люди возвращаются. Им нужен ответ.

— Сначала нужен результат лаборатории, — ответил Антон.

— Им нужен хоть какой-то ответ.

— Тогда ответь правду, — сказала Ирина, удивившись собственной резкости. — Что питьевая вода пока только привозная.

Тихонов взглянул на неё.

— Рад, что вы вернулись. Правда в листовке тоже есть. Южная линия может работать два часа в день после проверки. Я предлагаю написать это человеческими словами.

— «Может» или «будет»?

Он сложил листовки пополам.

— Я надеюсь, вы понимаете разницу. И понимаю, что люди в очереди её не слышат.

Позже Антон отвёл Ирину в школьную столовую. Там учительница Зоя Крылова расставляла на столах тетради. За одной стеной готовили еду, за другой дети учили таблицу умножения. В углу стояли две запечатанные ёмкости с привозной водой; на каждой крупно написали дату доставки.

— Сегодня двадцать три ребёнка, завтра будет тридцать, — сказала Зоя. — Для кухни, мытья рук и посуды привозной воды едва хватает. Может, пустить сюда воду со станции хотя бы для посуды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.